
Теодор ГАЛЬПЕРИН

ТРАЕКТОРИЯ СУДЬБЫ

Рассказ

Если бы вы только знали, какая великолепная штука авиация...

Антуан де Сент-Экзюпери

Самая высокая мечта — высота, высота...

Николай Добронравов

Судьба все же вылепила из меня авиатора. После окончания физического факультета я стал работать на авиацию — заниматься авионикой, авиационной аппаратурой, решать в ней задачи прикладной физики, участвовать в разработках систем взлета, навигации и посадки самолетов, вертолетов, космических аппаратов. Было ли это предопределено где-то в голографической карте небесной памяти и постепенно проявлялось в этой многомерной карте вселенной под мощным лучом детства с первых дней войны?..

Киев бомбят с первых дней войны. Вой сирен, взрывы, дым. Бабушка бежит по нашей улице, завернув меня в одеяло. Я выпростал голову из-под одеяла, вижу темное небо и на его фоне огромные, низколетящие черные птицы. Это были «мессершмитты», первые самолеты, которые я увидел в своей жизни. Мне три года и восемь месяцев. Бабушка бежит в бомбоубежище. С моей ноги падает туфля. «Бабушка, туфля!» — кричу. Бабушка возвращается, поднимает туфлю и бежит дальше.

Дальше бомбоубежище. Женщины и дети. Простые, неокрашенные столы и скамейки. На столах — крынки с молоком и кружки. Это, наверное, не первый день войны, как-то подготовились, но я запомнил только такую картину бомбоубежища.

А ведь еще совсем недавно была мирная жизнь. Каждое утро (очень рано, пока все еще спали) на скамеечке у дверей квартиры, на лестничной площадке, молочница оставляла молоко, сметану, творог. Проснувшись, бабушка вносила все в квартиру. Совсем недавно в прихожей стояли черные сверкающие сапоги — отец вернулся на побывку со сборов военных переводчиков. Уже веяло грозой.

Но отцу не пришлось быть военным переводчиком. Когда началась война, ему было 32 года. Талантливый ученый в области радиотехники, из провинциальной, не имеющей возможности дать сыну образование семьи. В 14 лет он приехал один в Киев, был

Теодор Борисович Гальперин родился в 1937 году в Киеве. Петербургский поэт, автор-исполнитель, член Российского союза профессиональных литераторов. Инженер-физик, кандидат технических наук. Заслуженный изобретатель РФ, специалист в области авиаприборостроения. Автор книги поэтических текстов «Сюжеты любви», семи сборников песен (издат. «Композитор»), семи аудиоальбомов, многочисленных публикаций в российских литературных и научных изданиях. Живет в Санкт-Петербурге.

рабочим, окончил ремесленное училище, техникум, вечерний институт. Был учеником и сотрудником завкафедрой профессора Никитина. Как только началась война и наши танки оказались малопригодными, Никитину пришло из Москвы предложение направиться на Урал с целью разработки радиоаппаратуры для новых танков. Он отказался — «не могу оставить кафедру в трудное время». И предложил своего талантливого ученика — Бориса Гальперина. И отец направился на Урал. Не могу умолчать: Никитин сознательно остался в Киеве, активно сотрудничал с захватчиками, агитировал за самостийную Украину...

Бомбежки, бомбежки... Началась мобилизация. Мои дяди совсем молодые — 20 и 25 лет — уходили на фронт.

Абрам Наумович прошел войну в морском десанте. Десантники высаживались с катеров в укрепленных вражеских районах под непрерывным огнем и в большинстве погибали. Марк Давыдович воевал в танковых частях, горел в танке... Оба дяди перенесли тяжелые ранения, выжили, но оба стали инвалидами.

Траектория моей судьбы вела по прямой — 18 сентября немцы взяли Киев — да, по прямой в Бабий Яр. Но здесь-то моя судьба отклоняется от предполагаемой траектории, выпадает мой первый счастливый жребий.

В моей жизни было несколько счастливых жребиев. Но вот — первый. Мама работала на Киевском авиационном заводе. Передо мной ее сохранившийся пропуск. Я его процитирую, опишу. На лицевой стороне обложки — герб СССР и золоченая надпись: «Народный комиссариат оборонной промышленности», а внутри справа — удостоверение № 22, Гальперина София Наумовна, слева — подпись мамы, утверждающая подпись, печать... и портрет мамы. Она — красавица, округлое лицо, прическа с пробором посередине, обрамляющими голову косами. Похожа, пожалуй, больше на украинку, чем на еврейку. Но фото черно-белое, а глаза у нее были серые, глубокие, выразительные.

Мама родилась в семнадцатом, ей было всего 24. Энергичная, сообразительная, хорошо пела, читала вслух стихи, мечтала петь в оперетте... Но пока — очень нужна авиационному заводу, она — управделами завода. Оборонные предприятия подлежали эвакуации в первую очередь.

Эвакуация случилась в августе. Следует напомнить — о необходимости подготовки плана эвакуации на случай войны к И. Сталину обращались еще в сороковом. Но на одном из обращений он начертал — на случай войны подготовить план эвакуации ЦК и Совета Народных Комиссаров.

Завод эвакуировался в Новосибирск. И отчетливо всплывает в памяти: товарный вагон, нары нижние и верхние, внизу — женщины и дети, наверху — мужчины. Долгие остановки. Успевали набрать на станции кипяток. Поезд наш длинный-длинный, а до заветного крана с кипятком порой неблизко, да еще очередь. Да, остановки долгие — на запад идут поезда к фронту, их надо пропускать в первую очередь. До Новосибирска добирались недели две. Казалось, вся страна состоит из бесконечных железных дорог, бесконечных поездов...

В конце войны У. Черчилль скажет, что главное сражение было нами выиграно на железной дороге — грандиозной эвакуацией предприятий.

В Новосибирск были эвакуированы еще Московский, Ленинградский и Днепропетровский авиационные заводы, все авиазаводы объединили с Новосибирским авиазаводом им. Валерия Чкалова и передали под идейное руководство талантливого авиаконструктора Александра Сергеевича Яковлева. И началась стремительная разработка, и почти одновременно — выпуск самолетов серии Як, истребителей и истребителей-бомбардировщиков, обеспечивших в содружестве с самолетами МиГ и Ла завоевание небесного пространства.

Авиазавод стал нашим родным домом — старался обеспечить и быт сотрудников. Эвакуация происходила так внезапно, так второпях, что многие, как и мы, смогли прихватить с собой только кружку, ложку, какую-то мисочку, что-то из одежды...

Завод обеспечил жильем — по комнате каждой семье в подведомственных домах, из отходов штамповал для сотрудников всяческую посуду, простейшую мебель. Дети были особой, душевной заботой — и дети сотрудников, и дети из подшефного детского дома. А новогодние детские праздники с большими украшенными елками, с подарками проходили одновременно, в общем коллективе: и дети сотрудников, и дети детского дома. И конечно, завод организовал и детский сад для детей сотрудников.

Но главное — героический, подвижнический труд всего коллектива завода. Об этом много сказано, но я был свидетелем и буду постоянно напоминать об этом. И могу подтвердить, что в тылу складывалась настоящая фронтовая дружба.

* * *

«Идет война народная... Все для фронта! Все для Победы!» — эти слова из репродукторов и на плакатах наполняли мужеством сердца.

Мама работала секретарем главного инженера, полковника Артема Тер-Маркаряна. (Как правило, в годы войны директорам больших оборонных предприятий присваивалось звание генерала, главным инженерам — полковника.) Секретарь и директора, и главного инженера была ответственной должностью. Мама отслеживала график сотрудничества и поставок с заводами-смежниками, направлялась туда для решения вопросов, иногда ей приходилось «забросить» меня в эмку и везти с собой до соседнего небольшого города. Шофер вел машину энергично, но порой добирались за два-три часа...

Иногда мама возвращалась на завод вместе со мной. Картины самолетов в сборочном цехе, в ангаре, на взлетно-посадочной полосе (ВПП) волновали детскую душу и навсегда запечатлевались в детской памяти.

Потом я узнал, что ВПП завода строили в лютую зиму сорок второго политзаключенные наших тюрем. Сроки были военные, и секретарь Новосибирского обкома Василий Иванович Кулагин привез ящик водки и обратился к заключенным со словами: «Дорогие товарищи! Мы делаем одно общее дело...» Так никто их не называл, самое уважительное — по номеру на одежде... ВПП вступила в строй досрочно...

К 1943 году только истребителей-бомбардировщиков Як-9 выпускалось в день по 30 самолетов (это — авиаполк). Прилетали военные летчики и уводили их на фронт. Каждый день. Сколько погибло самолетов! А наших молодых парней-летчиков!

Приходили похоронки и сообщения о без вести пропавших родных. В бело-серых конвертиках на полупрозрачной папиросной бумаге. Без вести пропал мой дядя — десантник Abram Наумович, родной брат мамы. Бабушка Сара Марковна, получив такой конверт и клочок папиросной бумаги, зарыдала. Но в конце войны дядя нашелся (его оживляли по разным госпиталям, следы затерялись). Бабушка от этого сообщения упала в обморок.

Бабушка жила с нами. Она вырастила меня в войну, ведь мама работала в день по 12–16 часов, обеспечивала связь дирекции с Москвой, порой впересменку с секретарем директора-генерала Раей.

В Новосибирск, в предчувствии блокады Ленинграда, было эвакуировано еще одно предприятие — часть Института прикладной физики (НИИ № 34), занимавшегося созданием радиокомпонентов. Отец, разобравшись с возможностью разработки новой танковой радиоаппаратуры на Урале, доложил в Москву: задачу можно выполнить только на ранее поставляемых в Россию из Германии элементах фирмы «Siemens». И отец

был направлен в Новосибирск, в НИИ № 34, который и был нацелен на выполнение труднейшей задачи — обеспечить радиоэлементами новую танковую аппаратуру.

Отцу удалось быстро наладить разработку и производство конденсаторов, резисторов и аппаратуры для танков.

Завод отца был недалеко от дома, и отец иногда, когда я стал постарше, приводил меня на завод. Весь заводской двор был заставлен танками, в которых монтировали новую аппаратуру и тут же отправляли на фронт. В цехе-лаборатории отца, да и в других подразделениях — персонал исключительно женский, и только механик — мужчина. Я хотел хоть в чем-то помочь. Мне отводили рабочее место для сборки слюдяных конденсаторов, и я, словно играя в кубики, складывал поочередно тонкие листики фольги и слюды, до 100 штук в сборке, тщательно перевязывал белой ниткой и передавал дальше опытным работницам на сооружение выводов и заливку герметиком. Такова поначалу была механизация.

Но больше всего я любил бывать на авиазаводе, в просторных высоких ангарах, где гордо стояли самолеты, уже готовые к тому, чтобы стать другом прилетевшего за ним летчика.

* * *

Переломный сорок третий... Мне уже шестой год.

Черно-белая фотография. Елка в детском саду авиазавода. Новогодний праздник. Елка наряжена стеклянными шарами, пиками, хлопучками, силуэтами зверей из разноцветной фольги. Игрушки тоже изготовлены на заводе из отходов производства (некоторые игрушки той поры сохранились, ими дорожу).

На переднем крае у елки трое ребятишек, играющие персонажей из сказки «Три поросенка». Светлые (наверное, розоватые) комбинезончики, шарфики бантом и черные шляпы-котелки. Руки у детей согнуты в локтях, подняты над плечами. Крайний справа — это я, хорошо, контрастно получился. Выражение лица очень наивное, нежное. Темные глазки, взгляд выдают и характер — очень доверчивый, порой до наивности.

В период разгула перестройки 90-х, когда в «оборонке» зарплату не платили, многие сотрудники бросились в торговлю, в предпринимательство. Мне также предлагали возглавить некоторые АО, но жена отнеслась к этому отрицательно, с улыбкой любящей женщины сказала: «Посмотри на это фото. Выражение лица не изменилось, такой же наивный, доверчивый. Тебя любой обманет».

Но пока еще война... И елка в детском саду. Детям были подарочки от Деда Мороза в виде двух конфеток под елкой. Но мне конфеток не хватило. Я тихо заплакал. Заведующая начала разбор ситуации, оказалось, что две конфетки прикарманила одна из воспитательниц. Воспитательница расплакалась, вернула конфетки... Наверное, уволили — больше я не видел ее. Теперь, через много лет, мне стыдно, и я сожалею, что поднял шумиху из-за конфеток, надо было промолчать — ведь у нее тоже, наверное, были дети. Но я-то был ребенком...

Переломный сорок третий... И встреча Нового года для взрослых в нашей комнате метров двадцати, где живут мама, папа, я и бабушка. И главный тост, конечно, за скорую Победу. И главный гость — прямо с фронта в краткую командировку приехал друг детства отца майор Александр Давыдович Крутянский, главный связист одной из армий.. После войны Александр Давыдович, окончив Артиллерийскую академию в Ленинграде, станет полковником и будет работать доцентом на кафедре в той же академии.

С нами в Новый год подруга мамы Клава и киевские друзья-сослуживцы Лиза и Иосиф, дядя Сеня, так я его всегда называл, — это была уже дружба на всю оставшуюся

жизнь. Лиза и Иосиф после войны работали в Москве, в конструкторском бюро вертолетов знаменитого Миля (создателя серии вертолетов МИ, выпускаемых до сей поры). Когда я учился в аспирантуре в Москве, я частенько останавливался у них. Таким другом был и дядя Сеня, он остался работать в Новосибирске, был очень уважаемым начальником отдела в конструкторском бюро авиационного завода. С нами еще Константин Николаевич Мицкевич — авиатехнолог из Ленинграда, красивый крупный мужчина. В 37-м его арестовали в общем потоке специалистов, но с началом войны выпустили и прислали в Новосибирск на завод. В дальнейшем он вернется в Ленинград и будет также работать авиатехнологом.

Война еще идет, но уже на переломе. Настроение приподнятое, оптимистичное. И главный тост: «За скорую Победу, за Победу!» Не помню, чтобы было шампанское или вино. Скорее всего, отмечали разведенным спиртом, его на заводе было много. Не помню тоста за вождя, хотя и это, наверное, было. И. Сталин зорким взглядом наблюдал за всеми с многочисленных портретов на заводе. Вождя чтит и мама, и папа. У нас был прекрасный портрет — И. Сталин прикуривает трубку. Такой портрет подарил «Сам» Александру Сергеевичу Яковлеву, он подарил копию директору завода генералу Лисицыну (не помню и. о.), а мама сотворила копию для нас. Конечно, многого мы тогда не знали. И жили только с мыслью о Победе.

Мы не знали, что вождь-диктатор расстрелял накануне войны выдающихся полководцев Красной армии на основании признательных показаний, выбиваемых под жестокими пытками, уволил из армии и репрессировал десятки тысяч кадровых офицеров. Мы не знали: в то время как наша армия, преодолевая жестокое сопротивление врага, движется на запад, — на Дальний Восток идут поезда с арестованными НКВД нашими солдатами и офицерами, бежавшими из фашистского плена и героически добравшихся до своих частей, до партизан... Мы не знали, что мама героя, летчика-аса Александра Ивановича Покрышкина, в Новосибирске, родине героя, каждый день выходит встречать эти поезда в надежде получить от сына весточку. Ведь у военных аэродромов не было почтовых отделений, а дислокация их была секретной. И порой Ксения Степановна получала эти драгоценные письма...

* * *

Предпобедный — сорок четвертый. Черно-белое фото. Александр Иванович Покрышкин — на ВПП авиазавода у новенького Як-9 в окружении летчиков и заводчан. Герою дали краткий отпуск — слетать на родину, в Новосибирск, повидаться с мамой.

У деревянного домика Ксении Степановны собралось множество новосибирцев, в том числе и я с бабушкой, но мы стояли далеко, и нам не было слышно героя, вышедшего на крыльцо. Речь была короткой, он приветственно помахал рукой и ушел. Конечно, устал после перелета.

Но вот я увидел героя совсем близко. Александр Иванович приехал в пионерлагерь завода, а мне и еще одной девочке (самым младшим в лагере) было поручено «принять» героя в пионеры. Мы взобрались на небольшую трибуну с разных сторон и вручили Александру Ивановичу красный пионерский галстук. Подошла пионервожатая и повязала ему этот галстук. Александр Иванович подхватил нас своими сильными, уверенными руками аса, сошел с трибуны и поставил на землю.

Когда я стал серьезно заниматься авиацией, интересоваться психофизикой пилотов, я прочел книгу Покрышкина «Познать себя в бою». В книге портреты Александра Ивановича — учащийся школы ФЗУ, курсант школы авиатехников. Паренек из рабочей семьи, очень интеллигентной внешности, с умным пытливым взглядом.

В нем объединились инженерный ум и смелость летчика. Он умел по секундам в уме рассчитывать времена атаки и стрельбы, учитывая скорость, расстояние, секунды от зрительного обнаружения цели до срабатывания штурвала и бортового орудия.

В нашу автоматизированную эпоху этот расчет ведут бортовые вычислители, а тогда умение летчика за секунды решать тактическую задачу обеспечивало неязвимость самолета. Тогда и родилась его знаменитая формула победы: «Высота — скорость — маневр — огонь!». Образ умелого и смелого аса, способного, рискуя неприятностями от начальства, нарушить стандартные устаревшие инструкции по ведению боя и не изменяющего совести в непростое время после Победы, до сих пор волнует мою романтическую душу.

* * *

Но война еще длится. И длится военный быт мирных жителей.

Передо мной две чудом сохранившиеся детские книжки с дарственной надписью от мамы. На сероватой бумаге, с черно-белыми иллюстрациями. Государственное издательство детской литературы, 1943 год, Москва—Ленинград. Одна книжка — Михаил Пришвин «Лисичкин хлеб» (в детстве эти рассказы о природе, о животных были очень любимы детворой). Другая — сборник народных сказок, разных народов нашего тогдашнего Отечества: русские, украинская, белорусская, латышская, казахская, калмыцкая, осетинская, азербайджанская. В дни грандиозных сражений страна не забывала о своих детях!

Все новости-сводки Совинформбюро доходили только по репродуктору трансляционной сети. (Радиоприемники были запрещены, электророзетки запечатаны. Нарушение секретности каралось.) Все сводки о положении на фронтах редактировались в Кремле, реальные события приукрашивались, о сдаче городов сообщалось только через несколько дней, о сдаче Киева не сообщали. О гигантских потерях узнавали от вернувшихся фронтовиков-инвалидов, отвоевавших навсегда.

Жизнь поддерживалась продуктовыми карточками, весьма скудными. Ложка отваренной лапши на ужин — уже хорошо! Масло, молоко покупали у местных крестьян, привозивших продукты во двор нашего дома, что-то покупали на рынке. Для выращивания овощей завод раздавал сотрудникам небольшие участки земли, в основном, помню, для картофеля. В конце лета картофель выкапывали и собирали. В квартире был шкаф-овощехранилище с отсеками для картофеля разного размера. Шкаф загружался сверху, а снизу были небольшие дверцы, через которые при открывании картофель вываливался под давлением.

Конечно, продуктов не хватало. Топленое масло покупали у крестьян, они его черпали из большой канистры (или ведра), перекладывали в нашу тару — бидоны, банки. Увы, Отечество в опасности, но и здесь встречались порой свои жулики: масло разбавляли водой, потом оно отстаивалось и разделялось на две фракции — воду и масло. Масло можно было пробовать при покупке, и я научился по вкусу сразу понимать, что масло разбавленное. Вскоре бабушка убедилась в правильности моих показаний. Даже соседи неоднократно просили «взять пробу» для них.

Где-то был и рынок, бабушка порой направлялась и туда. А чем платили? Цены были высокие по сравнению с зарплатами. Кто-то обменивал вещи, но у нас ничего не было для обмена. Бабушка занялась мелким предпринимательством. Большой дефицит был в металлических перышках, 86-х (так они прямо и назывались 86-е). Тогда ведь еще не были широко распространены авторучки с чернилами, о возможности шариковых и не подозревали. Были вставочки — деревянные стерженьки с металлическим держателем

под вставное металлическое перышко. Чернила заливались в чернильницу-непроливайку, куда перышко обмакивали. И вот у секретариата (мамы и ее подруги Раи, секретаря директора-генерала) таких перышек было в избытке, получить их не представляло труда. И бабушка обменивала эти перышки на продукты. Сейчас об этом вспоминаю с улыбкой, а тогда...

Для детей выдавали на заводе ириски из гематогена (для поддержания витаминного обмена). По ленд-лизу от США поступала тушенка. И это было большим подспорьем. Поступала и одежда. Я до сих пор помню доставшийся мне американский костюмчик — курточка и короткие штанишки светлого фона в синюю тонкую полоску.

Прилетавшие за Яками пилоты порой дарили маме плитку шоколада, и она была, увы, только для меня, хотя в то время я об этом не знал. Знал только, что получаемый по карточкам кусковой сахар-рафинад предназначался также только для меня.

Ах, эти шоколадки! — помнятся всю жизнь, столь это было редко. А пончики! О, это было только один раз — в поездке в Бердск к другому генералу, директору завода-смежника...

* * *

Начался победный 45-й. В начале года лабораторно-производственные отделения института № 34 перевели обратно в освободившийся от блокады Ленинград и соединили с оставшейся частью института. Отец, добившийся за время войны больших научно-производственных успехов, был включен в состав возвращающихся. У нас сохранились тоненькие, на серой бумаге брошюры последних лет войны, выпущенные коллективом новосибирской части института. В них — сообщения о научных результатах, выявленных в процессе текущей производственной работы на оборону. Научная мысль не погибала и в войну.

В Ленинграде у нас не было жилья, и где будет жить отец, не было известно. Мы оставались пока в Новосибирске. Мама и бабушка хотели бы вернуться в Киев. Но отец после победы в Сталинградской битве вступил в Коммунистическую партию, именуемую тогда в сокращении — ВКП(б), и подал заявление на фронт добровольцем в танковые части. Партком и дирекция отклонили просьбу: «Вы нужны здесь, вас заменить некем». И теперь от Ленинграда как коммунист он не имел право отказываться.

Уже к этому времени стало известно, что его отец, мой дедушка Соломон, живший в Виннице, был расстрелян немцами. Очевидцы, не евреи, рассказывали: «Он, высокий, статный старик, шел под фашистским конвоем, гордо и спокойно». Мама отца, моя бабушка, уцелела — летом 41-го она уехала в Москву к дочери Ане (муж Ани Абрам Шапиро был кадровым военврачом и в это время служил под Москвой, потом прошел всю войну, вернувшись полковником).

Погибшие родные, разоренные семьи, сожженные города и села! Святое чувство места призывало русских и евреев, украинцев и белорусов к расплате с врагом... И отец был в их числе, он стремился воевать в танке, оборудованном аппаратурой, где был и его вклад.

* * *

Победа! Об этой долгожданной святой Победе мы узнали 8 мая. Сообщили на завод из Москвы — подписана капитуляция. Мама, дядя Сеня и тетя Клава пришли вечером к нам домой, мама обняла меня и бабушку: «Победа!» И «праздник со слезами на глазах»!

А 9-го днем по главной улице Красному проспекту текла полноводная народная река. На заводе был первый выходной день. Шли все работники завода, вместе с мамой — и бабушка, и я. На центральной площади, площади Свердлова, была трибуна, и перед новосибирцами выступал секретарь обкома Кулагин. Он много сделал для завода, для новосибирцев, это он назвал политзаклученных товарищами. Победа была — одна на всех!

Великая Отечественная! Она осталась во мне навсегда, и с годами все ярче, все сильнее память. Все больше раскрывается тайн войны, узнаем о не отмеченных наградами героях — связистах, пехотинцах, летчиках, о «забытых» генералах...

Победный год, 1 сентября, я — первоклассник. Было еще голодно, в школе кормили завтраками: булочка, чай, бумажный пакетик с горошинками-леденцами. Я пил чай с булочкой, а кулек с леденцами прятал в ранец. Учительница Софья Анисимовна удивилась: «Почему ты так делаешь?» — «Это для мамы, она пьет чай вприглядку, а сахар отдает мне». Маму вызвали в школу. Она в испуге прибежала: «Что случилось?» И Софья Анисимовна маме: «Я хотела познакомиться с мамой, у которой такой заботливый сын».

В Новосибирске появились бригады пленных фашистов, работали на стройках. Были они и в нашем дворе. Ветхие шинели, изношенная обувь, поникшие, изнуренные судьбой, привыкшие к плотным германским пайкам, — голодные. Один из пленных, худой, бледный, изможденный, как-то подозвал меня. «Ганс», — указал он на себя, снял с пальца невзрачное, позеленевшее кольцо, протянул мне. Говорил понятно по-русски: «Попроси у мамы хлеба». Мне было жалко его. Я взял кольцо, побежал к бабушке. Бабушка вздохнула, но отрезала ломоть от «карточной буханки». Кольцо не взяла: «Верни, мы не добываем пленных!»

У немцев был перерыв, они сидели на бревнах с кружками воды. Ганс с благодарностью схватил хлеб, жадно ел, запивая водой. Я протягивал еще кольцо. Он взял кольцо, заплакал, погладил меня по голове. Я помню отчетливо (по смыслу) прозвучавшее почти правильно по-русски, но с акцентом слова: «Если бы мы не убивали евреев, мы победили бы... Ты еврей, мальчик?» Я не знал, что ответить, не знал, что я еврей. Мне никто об этом не говорил — ни во дворе, ни в школе. Мы все говорили по-русски. И я не мог Гансу тогда сказать: «Поэтому мы и победили, мы все были одной национальности — советской!»

Это потом, через пять лет, мне будут частенько напоминать о том, что я еврей... Увы, чувство высоты, которое народ набирал за время войны, к концу войны утрачивалось руководством, людоедские наклонности вождя разрастались — продолжались истязания попавших в плен советских военнослужащих, геноцид чеченцев и других неугодных народов, ограничения в боевых наградах по национальности, потом — «борьба с космополитами»... В мирной жизни, оказалось, тоже необходим героизм.

В 45-м дядя Сеня подарил мне на день рождения книгу «Крылья Родины», об истоках и развитии авиации в России с давних времен, о первых самолетах, о пилотах. Я доложил этой книжкой, потом передал сыну (он тоже станет авиатором). «Крылья Родины» — такое поэтичное словосочетание — в нем и поэзия, и высота, и Родина. По-видимому, его впервые произнес автор — Лев Гумилевский. С 50-го начал выходить журнал под таким же названием о проблемах авиации. Прижилось! Эти два слова в своем сочетании всегда в моей памяти и сознании, они зовут к высоте и небесной, и духовной.

Как-то, наполненный впечатлениями от выходящих на ВПП Яков и управляющих ими летчиков в кожаных шлемах, я сказал маме: «Хочу быть летчиком». Мама посмотрела на меня очень серьезно: «Может быть, лучше авиацинженером?»

* * *

В 47-м мы приехали к отцу в Ленинград, и я навечно стал ленинградцем-петербуржцем. Жили в институтском доме, в комнате 12 кв. м, вчетвером. Вскоре отца послали в Германию, вывозить из нашей зоны документацию заводов фирмы «Siemens». Здесь и пригодились его знания как военного переводчика.

В 49-м у меня родился брат, он спал в корыте, поставленном на табуретку. Постепенно институт по возможности расширял нашу площадь. В квартире жил сотрудник института, больной открытой формой туберкулеза. У меня случился от контакта бронходенит. В легком остались спайки на всю жизнь.

После окончания школы в 55-м это стало причиной, по которой у меня не приняли документы в Академию гражданской авиации. Но высота звала! «Может, лучше авиационным инженером?» — вспоминал слова мамы. Золотая школьная медаль обеспечивала мне поступление без экзаменов, однако в Институте авиационного приборостроения мягко и сочувственно отказали: «Вам лучше в другой институт, а на авиацию сможете работать». Я поступил без экзаменов (но с собеседованием) на физический факультет Электротехнического института.

Высота, высота! Ах, как я представлял себя пилотом гражданской авиации, в шикарнейшей небесно-голубой форме. И не скрою — как мне нравились стюардессы! Они представлялись мне божественными созданиями, парящими в высоте.

Но моя стюардесса, бортпроводница на траектории моей жизни, на траектории моей судьбы, встретила в нашей группе на физическом. Она явилась в школьном голубом платье с кружевным воротничком — Галочка Иванова, красивая девочка, блондинка, с примесью греческой крови.

Я все же набрал свою высоту — работать на авиацию в одном из институтов военно-промышленного комплекса, решать задачи взлета, навигации, посадки летательных аппаратов, гражданских и военных — для моря, для неба, для космоса. И делал это весьма успешно — я ведь не только инженер-физик, но (по военной кафедре) и офицер ВМФ, специалист по радиолокации и гидроакустике. Указом Президента Российской Федерации в 2006-м мне присвоено звание «Заслуженный изобретатель РФ»...

«„Чайка“, „Чайка“! Я „Орел“!» — эти позывные между летчиком и руководителем полетов при посадке самолета на авианосец до сих пор звучат во мне. Но при полетах на гражданских воздушных судах ощущаешь другое. Как на подлодке — если экипаж погибает, то все...

Я лечу рейсом Барселона—Петербург, на ТУ-154. Лечу в кабине пилотов, с целью проверить, еще раз продумать мои идеи — повысить точность посадки относительно средней линии ВПП. Экипаж — четыре человека: первый и второй пилот, штурман, бортинженер. Красивые дружные мужики, фронтовое мирное братство.

Со мной в кабине Юра Сорокин — инспектор на международных воздушных линиях, контролирующий знание экипажами специализированного авиационного английского языка. Тренажеры для обучения авиаторов этому языку разработаны при участии моего сына Бориса. И казах, и китаец, и русский, и испанец — все авиаторы мира должны хорошо понимать друг друга на этом специализированном языке.

Пилот получает разрешение на взлет и прощается с авиадиспетчером: «Гуд бай, Барселона тауэр». И вот мы набираем высоту 9000 м, пролетаем практически всю Европу: Марсель, Женева, Прага...

Какая маленькая наша планета — все так близко. Вспоминаю Экзюпери: «Как хорошо прибран мир, когда глядишь на него с высоты 3000 метров». Но теперь высота

увеличилась, мы над светло-голубым морем облаков, над нами только солнце. Может быть, солнце — это и есть наш Бог? Но вот снижаемся, уже вижу вечерние огни нашего маленького, хорошо прибранного мира. Вот и родной Петербург, ворота порога ВПП в зеленом очертании светодиодов. Да, идея правильная! Приземляемся, выпускаем шасси, пробег по ВПП, аплодисменты пассажиров...

Как хорошо мы, авиаторы, понимали друг друга в небе, люди разных национальностей и разных стран. Зачем же нарушать нашу идиллию? Высота, высота!

* * *

Авиация спасла меня! Траектория моей жизни, пусть с разными угрозами и препятствиями, но освещенная мощным лучом военного детства, пролегла без смертельных аварий. «Умерла бабушка — кончилось детство, умер отец — кончилась юность, умерла мать — началась старость». Ушла в вечную высоту и моя родная стюардесса и ожидает там встречи со мной. Но моя старость еще не наступила, и хотя уже не отправляюсь в испытательные полеты, еще работаю на авиацию, до сих пор главный специалист авиационного института, среди приятных, интеллигентных коллег. «То взлет, то посадка...» И когда траектория судьбы выведет меня на последнюю посадку и мотор сердца начнет угасать — он успеет отдать душе приказ: «На взлет! На взлет!»